

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛОМТЕВ

Иван Александрович Ломтев в год записи — крестьянин 51 года д. Карповой Горы, на р. Пинеге. Запись от него произведена в 1927 г.

Кроме земледелия, он занимался тогда, как и многие пинежане, подсобными промыслами: рубил дрова, возил кладь и т. п. Жить ему в те годы, до коллективизации, было очень трудно. Большая семья, в которой шестеро детей, от семнадцатилетнего до «зыбочного», ютилась в маленькой тесной избе. И. А. Ломтев, слабый здоровьем, постоянно прихварывавший, трудился до изнеможения. По слабости здоровья он не был и на военной службе и на войне, но в городах ему приходилось бывать — в Архангельске и Петрограде. По внешнему виду И. А. Ломтев представлял привлекательный тип пинежанина, — это был высокий, рыжебородый сухощавый человек с голубыми глазами. Нервный и очень застенчивый. Сломить его застенчивость и уговорить его петь было в высшей степени трудно. Перед фонографом он сильно волновался.

Иван Александрович — внук Матвея Андреевича Ломтева, известного в свое время в Карпогорье сказителя, и племянник Ивана Матвеевича, от которого записал былины в 1900 г. А. Д. Григорьев (Григ., I, стр. 471—478). От деда И. А. Ломтев перенял былинку об Илье Муромце и станичниках и песню о декабристах («Брат спасает царя от смерти»; записана мною в 1927 г.; опубликована в сб. Звенья, 1935, VI, М., стр. 22). От дяди он усвоил «Кострюка» и песню про Долгорукого. Знание этих былин и песен давно уже в роду Ломтева. Известно, что пел их еще прадед Ломтева, Андрей Трофимович.

И. А. Ломтев — сказитель с чрезвычайно устойчивыми текстами, почти не отступающими от источников. Былины и исторические песни он исполнял в семье и «где у праздника». Из семьи ко времени записи никто от него былин еще не перенял. Дав согласие спеть, Иван Александрович взял сети, заметив, что так будет ему удобнее петь, и во все время исполнения плел.

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СТАНИЧНИКИ]

- Из–за славного города Мурома,
Из–за славного города Киева,
Тут лежала дорога широкая,
Широкая дорога, глубокая.
- 5 Ширина той дороги широкой
Три косые сажени печатные,
Глубина той дороги глубокое —
Добру коню до черева кониного,
Добру молодцу до стремени булатные.
- 10 Что по той по дороге широкой,
По широкой дороге глубокой
Ехал–проехал старóй матёр человек.
Навстречу старóму станицники,
Хотят они старого ограбити,
- 15 Порешить свету белого,
Покорóтать веку долгого.
Как спрорóворит старый матёр человек:
«Уж вы ной еси, млáдые станицники,
Ещн бить вам старого нн за что,
- 20 Взять вам у старого нечего.
Есть ведь у старого в кармане петъдесят рублей,
Еще взято на чару на винную,
На винную чару, похмельную».
Тому же станицники не вáруют,
- 25 Приступают к старому нáкрепко.
Как прорóворит старый матёр человек:
«Уж вы гой еси, млáдые станицники,
Ещн бить вам старого нн по что,
Взять вам со старого нечего.
- 30 Ещн есть на старом кúнья шуба,
На шúбы нашито тридцать три пуговицы,
Каждая пуговица стоит пятьсот рублей,
А трём пуговицам и счёту нет:

В этих пуговицах залито трёх зверей».
35 Тому же станичники не веруют,
Приступают ко старому накрепко,
Берут они старого за ворот.
Как спроговорит старый матёр человек:
«Уж вы кой еси, молодые станичники,
40 Бить вам старого не по что,
Взять вам у старого нечего.
Есть под старым как добрый конь,
Он носит от ветра и вихоря.
Убегает от пули свинцовой».

*(Да тем и кончилось. Дальше—то и не
помню, есть ли что).*

КОСТРЮК

В годы–то были прежние,
В времена те досельные,
Да при нашем–то свете царе,
При Иване Васильевиче,
5 Он вздумал пожениться
Во земле во неверные
На Марьи Темрюковне.
У ней много было сопровождаемых–то:
Дваста татаровей,
10 Полтораста улановей,

586

Полтретьяста церква–сыновей.
Оне все сидят у царя на пиру,
Пиво–то с мёдом пьют,
Хлеб с солью едят,
15 Ества кушают,
Оне лихо не думают
На нашего света царя
На Ивана Васильевича.
Один бóльший шурин–совет
20 Кострюк–Темрюк Темерюкович,
Он пиво с мёдом не пьёт,
Хлеба с солью не ест,
Зеленá вина в рот не берёт,
Ества не кушаёт,
25 Не лихо ли думает
На нашего света царя,
На Ивана Васильевича?
Как спрогóворит стольный царев
Никита Романович:
30 «Ох ты хой еси, шурин–совет,
Кострюк–Темрюк Темерюкович!
Что же ты пива с мёдом не пьёш,
Хлеба–то с солью не еш,

- Зеленá вина в рот не берёт,
35 Ества не кушаёш?
Не лихо ли думаёш
На нашего света царя
На Ивана Васильевича?».
Как спроговорит шурин–совет
40 Кострюк–Темрюк Темерюкович:
«Уж ты кой еси, стольный царев
Никита Романович!
Я пива–то с мёдом не пью,
Хлеба–то с солью не ем,
45 Зеленá вина в рот не беру,
Явства не кушаю,
Но лихо не думаю

587

- На вашего света царя,
На Ивана Васильевича.
50 Только я думаю —
Тридцать городов перешол
И тридцать борцов поборол,
Не мог силушки отведати,
Не мог молодецкоей.
55 Если есть у вас в Москве таковы борцы
С Кострюком поборотися,
С Темрюком поотведати?».
Тапорá стольник царев
Никита Романович
60 Выходил он на те сени новые,
На те сени царские,
На те государевые.
На то крыльцо красное,
На то крыльцо царское,
65 На то государево.
Вскричал во всю буйну́ голову́,
Чтобы слышно было во всю каменну́ Москву́,
Из нижнего конца,
Из крайнегó дворца́,

- 70 Чтобы было два борца.
Были дети Андреевы,
Андрея Павжанина,
Васька ма́ленькой,
Потанюшка хро́менькой
- 75 О костыль подпираетця,
Ко дворцу подбираетця.
Тапорá стольник царев
Никита Романович
Наливает чару зеленá вина,
- 80 Не велика, не мала,
Чара в полтора ведра.
Подавает Ваське маленькому,
Потаньке хроменькому.
Берётця Васютка единой рукой
- 85 И пьёт за ед́ный мах:
«Дай ты мне борца́ на руку́».
Тапорá стольник царев
Да Никита Романович
Скора докладывал
- 90 Бóльшему шурина,
Кострюку–Темрюку Темерюковичу:
«Ох ты ной еси, бóльший шу́рин царев
Кострюк–Темрюк Темерюкович!
У нас хлеб на столе,
- 95 И борцы на дворе».
Тапорá шу́рин царев
Кострюк–Темрюк Темерюкович
Он как стал да скочил
Через золот стол,
- 100 Через ества сахарные,
Через скамейки дубовые,
Задел ногой правою,
Дваста татар подломил,
Полтора́ста улановей,
- 105 Полтретьяста церква–сыновей.

- Оне все посыпалися,
Оне все повалилися
И все пошли борьбы смотреть,
Все пошли молодецкие.
- 110 Они долго сходилися,
Долго сымалися,
Васька маленькой,
Потанька хроменькой,
На ножку справился,
115 За рубашку сграбился.
Был Кострюк на ногах —
Поставили на́ голову.
Его стыд–от взял,
Он стыд–от в горсть захватил.
- 120 .....
Под новые сени пошол,
- Под тн сени царские,
Под те государевые.
Под то крыльцо красное,
125 Под то крыльцо царское,
Под то государево.
Как спроговорит Марья Темерюковна:
«Уж ты ной еси, царь–государь Иван Васильевич,
Зачем вам было рубашка снять,
130 Да зачем нага спустить,
Обесчестити,
И под те сени спустить,
Под те сени новые,
Под те сени царские,
135 Под те государевые?».
Как спроговорит царь–государь
Иван Васильевич:
«Уж ты ной еси, Марья Темерюковна!
У нас в Москве так водитця,
140 Кто с кем боретця,
Обесчестить, под новы сени спустить,

Под те сени новые,
Под те сени царские,
Под те государевые,
145 Под то крыльцо красное,
Под то крыльцо царское,
Под то государево».

[ЖАЛОБА СОЛДАТ ПЕТРУ I
НА КНЯЗЯ ДОЛГОРУКОГО]

Нам не дорого не злато — чисто сéребро,
А дорога наша любовь да молодецкая.
Ой среди былó Китаю славного города
Тут стояла ведь палата белокаменна,
5 Что возлюбленна крестова государева.
Что у той же у палаты белокаменной,

590

У того же крыльца да у переднего,
Что не мýрома трава в поли шатаетця,
Не лазуревы цветочки приклоняютця,
10 Еще бьют челом солдаты да самому царю:
«Уж ты хой еси, надежда православный царь,
Уж ты дай суд на князя Долгорукого.
Он съедает ведь собака наше жалованье,
Квартирно и мундирно, третье — амуничное».
15 Как спрогóворит надежда православный царь:
«Вы возьмите, вы судите вы своим судом,
Своим судом да рукопашкою,
Возьмите вы слегу́ долгомерную».

591